

Московское семейство старого быта.

Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Русский архив, 1877. - Кн. 1. - Вып. 3. - С. 305-314.

Оригинал здесь -- <http://mikov1.narod.ru>

Князь Петр Александрович Оболенский {Род. 3 Июня 1742, ум. 22 Мая 1822. П. Б.}, родоначальник многоколенного потомства Оболенских, был в свое время большой оригинал (то есть таковым был бы он преимущественно ныне, а в прежнее время, в эпоху особенных личностей и физиономий более определенных, оригинальность его не удивляла и не колола глаза). Последние свои двадцать - тридцать лет прожил он в Москве почти безвыходным домоседом. Из посторонних он никого не видал и не знал. Дома занимался он чтением Русских книг и токарным мастерством. Он, вероятно, был довольно равнодушен ко всему и ко всем, но дорожил привычками своими. День его был строго и в обрез размежеван; чрезполосных владений и участков тут не было: все имело свое определенное место, свою грань, свое время и меру свою. Разумеется, он рано и в назначенные часы ложился, вставал и обедал; обедал всегда один, хотя дома семейство его было многочисленно. Старичок был он чистенький, свеженький, опрятный, даже щеголеватый; но платье его, разумеется, не изменялось по моде, а держалось всегда одного и им приспособленного себе покроя. Все домашние или комнатные принадлежности отличались изящностью. Английский *комфорт* не был еще тогда перенесен в наш язык и в наши нравы и обычаи; но он угадал его и ввел у себя, то есть свой комфорт, не следуя ни моде, ни нововведениям. Осенью, даже и в года довольно престарелые, выезжал он с шестью сыновьями своими на псовую охоту за зайцами. Как ни дичился он, или, по крайней мере, как ни уклонялся от общества, но не был нелюдим, суров и старчески-брюзглив. Напротив, часто добрая и несколько тонкая улыбка озаряла и оживляла его младенчески-старое лицо. Он любил иногда и слушать и сам отпускать шутки, или веселые речи, которые на Французском языке называются *gaudrioles*, а у нас не знаю как назвать благоприлично, и которые обыкновенно имеют особенную прелесть для стариков даже и безпорочно-целомудренных в нравах и в житье-бытье: лукавый всегда чем-нибудь, так или сяк, а слегка заманивает нас в тенета свои. Князь Оболенский одиночеством или особничеством своим не тяготился, но любил, чтобы дети его -- все уже взрослые -- заходили к нему поочередно, но не на долго. Если они как-нибудь забудутся и засидятся, он, дружески и простодушно улыбаясь, говаривал им: милые гости, не задерживаю ли вас? Тут мгновенно комната очищалась до нового посещения. В детстве моем, мне всегда было приятно, когда он допускал меня в свою изящную и светлую келью: бессознательно догадывался я, что он живет не как другие, а по своему.

Женат князь П. А. Оболенский был на княжне Вяземской {Екатерине Андреевне, род. 1741, ум. в Январе 1811.}, сестре князя Ивана Андреевича. В продолжении брачного сожителства их, имели они двадцать детей. Десять из них умерло в разные времена, а десять пережили родителей своих. Не смотря на совершение своих двадцати женских подвигов, княгиня была и в старости, и до конца своего бодра и крепка, роста высокого, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна. Таковы бывали у нас *старосветские помещицы* сложения. Почва не изнурялась и не оскудевала от плодovitой растительности. Безо всякого приговорительного образования, была она ума ясного, положительного и твердого. Характер ее был таков же. В семействе и в хозяйстве княгиня была князь и домоправитель, но без малейшего притязания на это владычество. Оно сложилось само собою к общей выгоде, к общему удовольствию, с естественного и невыраженного соглашения. Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточием, душою, любовью. В ней были нравственные правила, самородные и глубоко засевшие. В один из приездов в Москву Императора Александра, он обратил особенное внимание на красоту одной из дочерей ее, княжны Наталии {Княжна Наталия Петровна вышла замуж за Василия Михайловича Михайлова. П. Б.}. Государь, с обыкновенною любезностью своею и внимательностью к прекрасному полу, отличал ее: разговаривал с нею в Благородном Собрании и в частных домах, не раз на балах проходил с нею полонезы. Разумеется, Москва не пропустила этого мимо глаз и толков своих. Однажды домашние говорили о том при княгине-матери и шутя делали разные предположения.-- "Прежде этого задушю я ее своими руками", сказала Римская матрона, которая о Риме никакого понятия не имела. Нечего и говорить, что царское волокитство и все шуточные предсказания никакого следа по себе не оставили.

Это семейство составляло особый, так сказать, мир Оболенский. Даже в тогдашней